

ВМРБ
1091

Наталья Мурзина

Вторжение
весны

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока

КемПК

*Мужу Дмитрию
и сыну Сергею посвящаяю*

Наталья Мурзина

Вторжение весны

СТИХИ

Кемерово

2005

ББК 84.3Р7

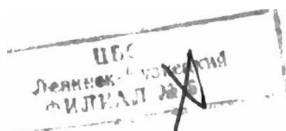
М 91

Мурзина, Н. П.

М 91 Вторжение весны : стихи / Н. П. Мурзина ; вст. статья
С. Л. Донбай ; обл. Л. В. Москалёва. — Кемерово, 2005. —
68 с. — ISBN 5-202-00824-4.

ББК 84.3Р7

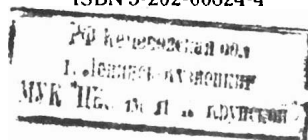
76473(1) зк

ISBN 5-202-00824-4

© Мурзина Н. П. 2005

© Москалёва Л. В. Оформление обложки, 2005

ПЕРВАЯ КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ

Первая книга стихотворений, когда бы она ни выходила у поэта, пишется долго, может быть, дольше, чем все другие потом. Она вбирает в себя время и впечатления бесконечного детства с его играми, счастьем и страхами, время и таинство юности (такого ни с кем не бывало, только со мной!), время неминуемого взрослого осознания, что ты не вечен. Первая книга стихотворений пишется от рождения.

Наверное, на этом и заканчиваются общие признаки первой книги. В разные времена, у разных авторов всё, несомненно, происходило и происходит по-разному. Нет ничего проще в наше время, имея деньги, издать хоть первую, хоть пятую книгу. Но честь и хвала поэту, который дожидается востребованности книги.

У Натальи Мурзиной были победы на поэтических конкурсах, она не обделена сочувствием современников и молодых поэтов. Но она не спешила издавать первую свою книгу. И вот, за последние два года, «критическая масса» её поэзии созрела, собралась. Состоялись крепкие публикации в коллективных сборниках, в сибирских и московских литературных журналах.

Я баян обниму. Он, заждавшийся, на руки просится.

Это, конечно же, и о её поэзии. Это, конечно же, и о её надежде:

И потянется песня-слеза, и всем миром заладится,

Что не песня, а русская вечность течёт сквозь меня.

Я думаю, как раз здесь и начинаются необщие признаки книги Натальи Мурзиной. То, что отличает её от современного стихотворческого потока. Она как-то незаметно прошла молодое помешательство от формальных поисков, эпатирующих взрываний на весенней лужайке поэзии. Её строчки были бы естественны и хороши для читателя и век, и два тому назад и, надеюсь, будут нечужими в будущем.

«Счастье... знаешь, сын, оно простое.

В белой кружке с белым молоком»;

«И блуждающий свет моего покоя

Закачается в тёмном оконном зрачке»;

«Хмель гуляет в крови у толпы — где уж тут втихомолку!

Наблажимся в Рождественский пост, отпостимся потом».

Наталья Мурзина закончила университетский курс математического факультета, но пишет стихи; любит деревню, но живёт в городе и работает в издательстве редактором детских книжек. И за детей не страшно.

Живая традиция русской поэзии и здоровый консерватизм православной жизни присутствуют в её стихах. Поэтому, наверное, их нельзя по-современному «раскрутить». Но и не победить никакими «фабриками звёзд».

Сергей Донбай

Дом

Вот он, будущий дом: золотое крылечко
Где простой половик для уюта у ног,
И сухими дровишками кормится печка,
И с любимым котёнком играет сынок.

Ярким всплеском календул веранду украшу.
Мы незлую собаку с тобой заведём.
Я томить в чугунках буду русскую кашу
С запашистым, наваристым, спорым борщом.

Ты сумеешь построить смолистую баньку
И с мужицким стараньем разбить огород.
Научусь, как крестьянка, вставать спозаранку
Средь капустных, грибных, огуречных забот.

Будет флюгер – Серёжкино счастье на крыше.
Если дочка родится, то как назовём?
Мы любить будем краешек, нас приютивший,
Золотое крылечко, наш будущий дом.

* * *

Серёже

Дождь проснулся в облачной перине,
Распугал ватагу шумных птиц.
Вновь сияет солнце, а у сына
Небо пролилось из-под ресниц.

И несётся детство золотое
По траве прохладной босиком.
Счастье... знаешь, сын, оно простое.
В белой кружке с белым молоком.

Н.

День ещё прохладою не тронут.
Выйти из распахнутых дверей
И упасть, как в самый синий омут,
В головокружение ветвей.

И, очнувшись в небе светлооком,
Долго наблюдать из синевы:
Чьё-то детство солнечным зайчиком
Строит дом из солнечной травы.

Бабье лето к исходу. Полынный,
Нынче воздух дымами провис.
Но уже перехвачен ангиной
Каждый сброшенный тополем лист.

Скоро всё октябрём занедужит.
Неухоженный дворик готов
Наступить в долговязую лужу
Отражением зыбким домов.

Или в окна ворвётся с разбега
Сквозняком дуновенье беды.
Или лапа внезапного снега
Маховые прочертит следы.

Маме

И всё-таки февраль. Подстывшая дорога
Летит под перестук натруженных колёс.
То грязным полотном расстелется полого,
То зарыбит в глаза рубашками берёз.

Заждавшаяся дверь в свои объятья примет,
Засуетится стол, посудой звеня.
И мама за столом заботливо обнимет
Забытой теплотой, обмякшую, меня.

И будет говорить, что пирожки остыли,
Что свежий варенец так и не съели мы.
И скажет, помолчав, что зиму пережили
И, может, хватит дров до будущей зимы.

А престарелый кот свернётся у порога
Помуркивать во сне, обманывать мороз.
Но всё-таки февраль. И всё-таки дорога
Размотанным клубком летит из-под колёс.

Повяжу неторопливо я
На головушку платок с бахромой
И к тебе пойду, единственный мой,
Как большая птица счастливая.

По окошкам дом зевак выставил.
А с ладони – струйками талыми
Снег, который тропку нам выстелил,
Чтобы мужем и женой стали мы.

А кому нынче счастье обещано –
Догадайся, деревенская улица!
Любопытные соседки волнуются:
Посреди зимы сияние – женщина!

* * *

Потеплеет к утру. Скрипнут старые ставни.
И расправит рассвет светло-серую шаль.
И к любимой жене в разомлевшую спальню
Ввалит в форточку радостный пьяный февраль.

Ущипнёт, растолкает, ошпарит морозцем,
Расцелует горячим смеющимся ртом.
Я успею увидеть, как раннее солнце
Тронет радужным бликом кусты за окном.

* * *

Разворчалась сковородка, что не чистили с весны.
А потом душистой горкой в чашке выросли блины.
И сметанку лижут с золотого донца.
Пористые, рыжие. Как кожа у солнца!

Рождение сына

Толчками билась эта боль, и, крепнувшим коловращеньем

Живую рану отворив, металась в сумраке распятом.

Беззвучно плакала. И взглядом, как обесточенным растеньем,

Тянулась в карие колодцы – глаза над марлевым квадратом,

В которых сгинуть, провалиться,

расплыться каплей воспалённой

Над душным кафельным сияньем –

предобморочной белизной.

И ускользящим сознанием

принять сквозь воздух раскалённый

Внезапный крик и чей-то выдох:

«Родился... сын родился мой!»

76473(1)

Детство

В кромешности потушенного света,
я знаю, мне опасно оставаться,
протянешь руку, шевельнёшь губами,
а вдруг – бабай! Скорей, скорей на кухню!
Сестра длинноволосая. Как крепость.
Готовит неприступные уроки.
Расплывшиеся по тетради буквы
я медленно распробовать пытаюсь.
И вот они, послушны, оживают
тропическим названием «Ал - геб - ра»,
растением волшебным. Но об этом
спросить сестру мне духу не хватает.
У бабушки гребёнка костяная
и сарафан, впитавший запах кухни.
Стремительные спицы, будто птицы,
вяют гнёздышко пуховое, ручное.
Я знаю, как. Меня уже учили
перебирать запутанные петли.
Отколупну кусочек штукатурки

за печкой, где меня никто не видит.
Получится горяченькая ямка.
В печном нутре гневливый зверь бьётся.
Пахучие песочники томятся,
мы с мамой их в духовке заточили
на противне, посыпанном мукою.
Он не противный, просто очень чёрный.
Из погреба сейчас достанут к чаю
тягучего клубничного варенья.
А за окном надсадный рык овчарки,
рёв трактора. На сваленных берёзах
везут зарод, зародище, громаду,
присыпанную снегом гору сена,
колючего, душистого, сухого.
Я завтра на него тайком залезу.
Отец кричит о чём-то с мужиками,
перекричать старается овчарку.
Оранжевые тракторные фары
прошили двор насквозь, до огорода...

Бабушкин дом

Бабушке Ане

Отоснишься ль когда-нибудь, ждавший, любивший, кормивший,
Мой единственный дом, где рассыпало детство следы...
Белоствольный простор у просевшей от времени крыши
И щербатый колодец, черпнувший глубинной воды.

И толчёный снежок, скорлупой под шагами хрустящий.
А скворечня пуста – долговязый качается шест.
Только рыжий телёнок, опасливым оком косящий,
Из лохматой охапки солому поспешную ест.

Большеглазых снежинок бумажную белую стаю,
Как всегда, в Рождество прикрепили в соседском окне.
Возвращаясь в тебя, каждый раз из тебя вырастаю,
Старый бабушкин дом. Но по-прежнему чудится мне

Неотчётливый скрип половиц у притихшей кровати
И притворство прищуренных глаз... А ещё б подглядеть,
Как мелькают по толстым шкафам быстроногие пятки
И фиалковый суп уплетает безухий медведь.

А ты помнишь, как жили котята в плетёном лукошке?
А как я на запретный чердак пробиралась тайком?
А пахучий дымок от печённой в духовке картошки
С крупной солью, и хлебом, и белым густым молоком!

Что-то ветрено нынче... Хлопочут иссохшие ставни.
Детство – яблоко, из повзрослевших упавшее рук.
Не оставь же меня, моё млечное воспоминанье, –
Миг духмяного детства, предутренне-сладкий испуг.

Зимний вечер

Вся деревня в плену непроглядного снежного мрака.
Отойти от окна или кофту надеть потеплей.
Я боюсь, я волнуюсь: там, в будке, ночует собака,
В непогоду такую тоскливо и холодно ей!

Хорошо хоть, что шёрстка у нашего Дика густая.
Баба Аня подбросит в гудящую печь уголька.
Под уютное пенье огня, по углам вырастая,
Любопытные тени потянутся до потолка.

Самодельные куклы весёлым бумажным отрядом
Примеряют обновки – я их вырезаю легко.
Жарко топится печь. И любимая бабушка рядом.
А грядущая взрослая жизнь далеко-далеко.

* * *

Взгляд недетский наполовину
И понятный лишь мне одной:
Сероглазая ревность сына
Неотступно следит за мной.

Портрет

Бабушка всю жизнь его хранила
В старом деревянном сундуке,
Чтобы безопасней ему было –
От чужого глаза вдалеке.

А потом, когда её не стало,
Я из многолетней темноты,
Не дыша, портрет царя достала
И влюбилась в строгие черты.

Проступает в царственном обличье
Дух иного времени. Не зря
Отпечаток скорби и величья
На лице у русского царя.

И далёкий свет воспоминаний:
Рядышком хранятся у окна
Маленькое фото бабы Ани
И портрет, что сберегла она.

Заповедный приют – потаённый, неназванный остров,
Там, где травы дремучи, а лица, как лики, чисты.
Где незримым шатром – тишина; где внезапно и просто
Освящается день отголоском рассветной звезды.

Где покоя исполнено и не растрчено слово,
Простота домотканна, а поступь любая – не вслух.
Где янтарным столетием – жизнь и в просторе сосновом
Хлебный дух над столом и медовый струящийся дух.

Где молчанье целительней слов, где однажды смогу я,
Как живую свечу, одуванчик затеплить рукой.
И заплачу легко, и прощу себя просто – такую,
Досветла обнажённую солнцем и тихой рекой.

Я слышала рождение зимы,
А ты – любовный шёпот листопада,
Когда, обнявшись, проходили мы
Под сводами простуженного сада.

Я познавала строгость тишины,
А ты – сиротство старого вокзала.
Ты – уезжал, а я – не уезжала
Из маленькой доверчивой страны.

Тебе – пора. Уж кличут. Замираю.
Мне лишь дождя холодного глоток...
Но дождик лил на всех, не выбирая,
Кто был тогда, кто не был одинок.

Разгоняется время – мгновенный осколок стогранный.
То, горячим звонком распоров полотно тишины,
Вдруг подступит скупым на предлоги листом телеграммы
Или бритвой будильника вскроет атласные сны.

Или движется вспять под шуршащим ковром листопада.
Или сходит на шляпы неслышным дождём городским.
То уколет нескромной иглой постороннего взгляда.
То плеснёт в запотевший хрусталь торжеством золотым.

Мчится время. То обморок счастья, то буря в стакане.
Серебрит наши волосы, правды скупой не тая.
А однажды замрёт на краю, перехватит дыхание
И со старого фото посмотрит. Из небытия.

Снова хлынула ночь в беззащитность оконных проёмов,
И швыряла густой, беспорядочный бисер дождя,
И топила в ладонях гудки нежилых телефонов,
И наотмашь молчала, и плакала, не уходя.

Темнота разлучала холодным чернильным покровом,
Заточала навечно в пустую воронку двора.
И слепая Душа не сумела спасти себя словом,
Безнадёжно пытаюсь дожить, дотянуть до утра.

Неприкаянным ветром упрямые кроны срывая,
Всюду ночь безраздельно царила, кромешно лгала.
То нечаянным окликом, то бормотаньем трамвая,
То оконным зевком накрывала, толкала, звала.

И слепая Душа, оступаясь, по кромке, на ощупь,
Подалась наугад, оставляя растерянный след.
И светлеющим облаком над очарованной рощей
В этот миг зародился, как тихое слово, рассвет.

* * *

Ну вот и всё. Ты больше не придёшь.
Ты не придёшь. Я точно это знаю.
Всю ночь в моё окно колотит дождь.
Всю ночь колотит... Даже привыкаю,

Что мне опять любовь свою таить
От взгляда ненасытного чужого.
Что мне опять заложницею быть
Неосторожно сказанного слова...

* * *

Тротуар выгнул спину под ласкою детских шажков.
Небо крошит на нас свежей выпечки хлебушек-снег.
Налепить с пылу, с жару хрустящих снежков-пирожков,
Отнести снежной бабе: пусть снежный поест человек.

Февральским головокружением
Шёл снег и слабостью нечаянной.
Он был слепящим обольщением,
Сквозь нас летящей белой тайной!

И тишиною освящается
Час снегового перелёта.
Лишь Люба-дворничиха мается:
Нам красота, а ей – работа.

Переезд

Со всех сторон, на все лады торчат стреноженные вещи,
Обоев рваных бахрама, распотрошённый скарб и хлам.
Разинутые рты коробок, нагромождённых по углам.
И обнаруженная моль в шкафу контуженно трепещет.

Перевернувший всё вверх дном и от расправы увильнувший,
В чужой ворчливый коридор промчался ошалевший кот.
Ещё не собранная утварь угадывает свой черёд,
На кухне выпятив торчком эмалированные ушки.

Выносят мебель. Мы пока сидим на пустоте дивана,
Взметнув над пустотой стола першащую пылинку взвесь,
Всё увозя, но оставляя два года нашей жизни здесь.
Мы уезжаем навсегда. А дверь растворена, как рана...

Новый, 1999 год

И не воздух уже, а стреляющий праздничный порох.
И взрывается площадь букетом искрящихся шутих.
Шумный люд заражён ледяным притяжением горок –
Протолкайся-ка в гущу гогочущих, пьяных, шальных!

Колесницей гирлянд окольцована пленная ёлка.
Глянешь вверх: голова закружится цветным ходуном.
Хмель гуляет в крови у толпы – где уж тут втихомолку!
Наблажимся в Рождественский пост, отпостимся потом.

Подгулявшей стихией объята, куражится площадь.
Ходит разгорячённый припляс-перетоп-Новый год.
Эх, держись! Эта ночь, снежноокая звёздная лошадь,
За околицу тысячелетья нас тяжело несёт.

Неужели окончился он, наш роман без названия?
Но, едва различая тебя в тополинный просвет,
Окунаю лицо в тайный омут неузнавания.
Ты уходишь туда, где вбирает аллею проспект.

Ты уходишь туда, где окошко светлей, где другая
Расторопною спицей латает постылый уют.
Резкий визг пацанов, снежным комом с горы вырастая,
Вдруг откуда-то грянет. И слёзы... текут и текут.

Я не стану другою! А ветер – порывистей, крепче.
Согреваюсь молитвой, пальто запахнув поплотней.
И на чистом холсте снегопада распишется вечер
Неразборчивой тушью мерцающих лёгких теней.

Птичий хлопот над россыпью сморщенных бусин ранетки.
На чугунные лапы скамейки сугроб намело.
Снегириная гроздь улетает с протянутой ветки.
Значит, будет тепло. Обязательно будет тепло.

Я в гостях у судьбы. Чайный морок, приправленный мятой.
Испытующий взгляд и опять разговор непростой.
На дверном косяке, как обычно, зарубка и дата
Непреложно начертаны взрослой суровой рукой.

Я в гостях у судьбы. Каждый раз, как особую сладость,
Неразбавленным пью с чайной ложки солёный урок.
Птицей в сердце толкнулась, толкнулась залётная радость,
Что отметка моя всё же выросла на волосок...

* * *

Смотрит беспризорными глазами,
Хочет есть и милостыню просит.
(Зверь-то никогда под небесами
Своего детёныша не бросит.)

Хочет есть. Скитается. Взрослеет.
Не мечтает, чтоб усыновили.
Ненавидеть он уже умеет.
А любить его и не учили.

Собака

Глаза – затравленные свечки.
Кому нужна
блохастая, голодная, увечная?
Обречена.

И человека с сучковатой палкой
не тронул стыд.
Когда затихла, лишь Егорка плакал.
Навзрыд.

1.

Немного горек вкус у одиночества,
Как этих писем безымянный дым.
Как дым вокзальный. Что же мне всё хочется
Окликнуть сына именем твоим...

А помнишь, под шлагбаумом берёзовым
Сиянье глаз, любимых рук тепло.
По мареву заката ярко-розово
Всходило полнолунное чело

Над нами, сумасшедшими, счастливыми.
А нынче... где ты куришь и молчишь?
Лишь март вороньими речитативами
Взрезает воздух над коньками крыш.

2.

Уже апрель на скатах крыш
Хозяйничает солнцепёками.
А ты всё куришь и молчишь
Над сплетнями да кривотолками.

Как безбоязненно-светло
Сквозняк играет занавесками.
По сухостою за село
Уйду бродяжить перелесками.

Но вскрик. И оторопь шагов.
И ты навстречу. А глаза – горьки...
На перекрестье берегов
Реки и неба. Неба и реки.

Ну и пусть. Напишу. Напишу, как, мучительно-гордая,
Разразившейся страстью я переболела сполна.
Погружались снега в очертанья ослепшие города.
Город заживо в этих снегах утопал. Но весна

Полоснула ручьями и птицами... Знаешь, не надо бы
Ворошить это заново. Жизнь-то мудра и проста:
Иногда заживляет лишь время – целебное снадобье.
Напишу, что готовлюсь к венчанию после поста.

Что опять не пойму, здесь ли я, и сейчас ли я.
Что любовь – это сладостный, всепроникающий ток.
Что я, грешная, счастлива. Счастлива. Счастлива!
Никому! Лишь почтовому ветру доверю листок.

* * *

Ночь качала большими крылами незрячими.
Словно лето пылало у нас на устах.
Словно лето плыло. И глазами горячими
Предрассветные звёзды цвели в небесах.

И венчала нас ночь. И, слабея, не знала я,
Сколько мигів блаженных продлится она.
Как безмолвно и нежно луна одичала
Трепетала в осеннем пожаре окна.

И рябины ветвями смыкались со стонами.
Нас качала бескрайняя ночь до утра
В лёгкой зыбке любви... И алели за окнами
Гроздья спелые в сердце ночного двора.

Подступало забытой молитвой, слезою к глазам
И в груди замирало под полупрозрачностью платья...
Я уже ухожу из твоих осторожных объятий,
Причисляя твой голос отныне к чужим голосам.

Из однажды отринутых губ нам прощенья не пить
И уже не метнуться в гортанном порыве навстречу.
И ещё, и ещё раз запретное имя забыть.
Мы убили любовь, а таких даже время не лечит.

Ты познал одиночества непоправимый недуг,
Я, скитаясь по улочкам прошлого, чаще прощала.
Я во сне безоглядно и нежно тебя возвращала
Или взмахом ресниц, или всплеском оттаявших рук,

Или беглым касаньем волос нестерпимо родных.
И стремлюсь, словно бабочка в ложное лоно сачка,
Проходя иногда мимо глаз недоступных твоих,
Задержаться на миг в золотой сердцевине зрачка.

* * *

Первовторжение весны. Проснулись щебеты и свисты.
Капли нежный звукоряд уже висит на козырьках.
И на оттаявшем стекле сверкает лучик золотистый.
Уже высотный ветер рвёт просветы в редких облаках.

Как пробудившийся поток, весна опять неудержима.
Нетерпелива, голодна, она вот-вот прорвётся в нас.
Ты отогревшейся рукой сейчас отпустишь эту зиму,
И не сумеет скрыть февраль распахнутых проталин-глаз!

* * *

Даже странно – в губах это имя нести,
Различать только этого имени сполохи.
Словно чуждую птицу сгоняю – лети! –
Потрепещет и сгинет в полуденном воздухе.

Но, спугнув, отпустить от себя не могу,
Хоть не мне его пить, и не мной зацеловано.
Лишь однажды в протянутой ложечке губ
Дерзко имя цвело... тёмным мёдом ворованным.

Отпустить от себя – не стряхнув, как листву,
Не спугнув, как молитву, нечаянным возгласом.
Будто дикий шиповник губами сорву,
Окликая пустое пространство вполголоса...

* * *

Да и было ль вообще оно, это мгновенье,
Когда ожили губы в неясной мольбе?
Эта оттепель глаз, это прикосновенье...
Нет, мне нужно сегодня присниться тебе!

Под мерцающим, лёгким плащом снегопада
Приникаю горячим дыханьем к окну.
Проникаю... сквозь снег затаившимся взглядом
Прорастаю неслышно в твою тишину.

Я приснюсь тебе. И невесомой рукою
Прикоснусь, замирая, к любимой руке...
И блуждающий свет моего покоя
Закачается в тёмном оконном зрачке.

Будто ночь повела лунным оком и скоро
Оборвётся с простуженных белых ветвей.
А когда ты проснёшься, заснеженный город
Тихо включит созвездия ранних огней.

* * *

Как мелочью расхожей, праздными
Размениваемся словами...
Но – слышишь! – эхо недосказанного
Повисло зыбко между нами.

И тайный трепет: «До свидания».
И трепет: «Лучше не встречаться...»
И не находим оправдания,
Чтобы ещё на миг остаться...

Гулкая гамма по клавишам лестницы вверх –
Вторит шагам, затаённой надеждой звенит.
Голос звонка, как далёкий мерцающий смех,
Оторопь сонной квартиры на миг осенит.

И ожиданье горячей волною в висок.
И тишина, что оставит меня без ответа.
Не приоткроется дверь, и не щёлкнет замок.
Ты ведь уехал. Я, кажется, знаю об этом.

Вниз по бетонным ступеням сбегу невпопад,
Выскользну тенью в зияние сизого полдня.
Ты уезжал, а внезапный, как свет, снегопад
Падал в слезящийся город. Я, кажется, помню...

* * *

Памяти Саши

Мы не знали, что огненной меткой
Вспыхнет март – беспощадно, сполна,
Что тревожной надломленной веткой
Вдруг в окно постучится весна,

Что придётся в ознобе дорожном
Страшный цинковый груз принимать,
Что земное земля непреложно
В час последний обнимет, как мать,

А душе, улетающей в вечное,
Быть по-прежнему близкой, родной.
Жизнь – короткая и бесконечная,
Как стремительный дождь проливной.

* * *

«чуткая пружина времени»

Непрочный мир стареет и качается.
И чувствуешь ты с некоторых пор
Пружину эту, как она сжимается,
Чтобы однажды выстрелить в упор.

И в серый плащ обыденного прячешься.
Но иногда пронзит нездешний свет.
Как хорошо и безмятежно плачется,
Когда осознаёшь, что смерти нет.

* * *

Зачем неизъяснимый взгляд,
и бисер капель на одежде,
И мягким солнечным лучом
пронзённый дождевой просвет?
Зачем касание руки
чуть отрешённое, чем прежде,
И огорчённою волной
в тебе качнулось слово «нет»?
Зачем сгущение теней
уже скользит по нашим лицам,
И кратковременный озноб,
и тишина что полынья?
И безотчётный оклик твой,
как растревоженная птица,
Пространство нежно распоров,
догонит всё-таки меня...

* * *

И очнулась природа – весенним наполнилась током.
Ты слабеющий снег, на ладони пригрев, отпусти.
Или медленно пей родниковым прозрачным потоком,
Растворись в безмятежном покое. Забудься, прости,

Наконец-то прости себе смутный порыв узнавания,
Когда робкие губы горчили на робких губах.
И желанный, томительный отклик, и жажду касанья,
И расстёгнутой наспех рубашки горячий запах.

* * *

В город вкралась весна, сквозняками наполнила трубы,
Потрепала по спинам недружно орущих котов.
Сонный город очнулся, надел надоевшие шубы
И расставил в витринах капризные лица цветов.

Город заспанным дворником долго дробил и лопатил
На асфальте пристывший упрямой коростиной лёд.
И дышал талым воздухом, и расточительно тратил
Все снега, что зима накопила на месяц вперёд.

Город ехал-спешил по теченью просвеченных улиц
Мимо наших оттаявших лиц у глухого окна.
Мы впервые коснулись друг друга, мы не разминулись,
Потому что весна, потому что весна, потому что весна!

* * *

А за стеклом мятежная весна.
И задохнётся ночь в немом вопросе...
А после – слов испуганная россыпь
И рук твоих бесстыжая волна.

Нарушенная, вздрогнет тишина.
И на меня – ожог твоих желаний.
И молча жду лукавых оправданий,
Как хворост ждёт дыхания огня.

А ты мою слабеющую плоть
Опустишь в лоно простыни, как в пропасть.
И промолчит обиженная гордость,
Которую посмел ты уколоть.

Лето в апреле

А. Ибрагимову

Словно лето пришло, проскользнуло
по зарослям спящих ресниц
В заплутавшийся сон, сквозь налипшие веки теплея.
И букстик веснушек в ловушки подставленных лиц
Раскидало-рассыпало – щедро, легко, не жалея.

Разнотравье беретов, перчаток, косынок, плащей...
Разноцветье гудков, светофоров, звучаний, свечений.
И вплотную уже очертанья людей и вещей.
И влечёт, и качает на острой волне ощущений.

А влюблённое солнце слепит каждой луже зрачки
И уже тормозит и торопит: скорей же, скорей же!
Исполин-ледоход по тягучему мёду реки
Сквозь сплетенья домов и деревьев на правобережье!

Лето к детской прильнуло щеке, намаячив, устав,
И притихло размытым пятном на листе акварели.
Клейким клювиком почка раздвинет апрелю уста...
Неужели опять это лето пришло, неужели?

Неужели опять в растворённые поры земли
Эти травы потянутся к синему пологу сами?
Одуванчик-птенец в желторотой от солнца пыли,
Карекрылой пожарницы ярко вспорхнувшее пламя.

И белёные голени новорождённых берёз
Под тонюсеньким кружевом из комариного ситца –
Словно лето пришло в изумлённый апрель и до слёз
Ослепительным диском в промытом окне золотится.

* * *

Сгоряча наговорил, сгоряча.
И укор в твоих речах неспроста.
Что ж кручина затаилась в очах,
Да молчание легло на уста?

Во полях духмян-траву собирал –
От печалюшки отвар не целит...
Что ж, от сердца ты меня оторвал.
Вот оно-то всё болит и болит.

Жгучий взгляд твой и слова горячи.
Позови меня к себе, позови!
Мы как в омуте тонули в ночи –
Ты же помнишь всё. Душой не криви.

Начало

Пухлая почка –
зародыш пахучего лета,
клейкий птенец,
нетерпенье,
разинутый рот.
И земляничное лоно
ещё не согретой
семенем солнца земли
приготовилось.
Ждёт.

* * *

Был затянувшийся апрель
И гроздьё облаков над садом.
И юную виолончель
Ты проводил спокойным взглядом.

Как неожиданно струна
Забилась в зыбком непокое,
Когда была обнажена
Всё понимающей рукою.

Как звук, украденный тобой
Из глубины грудной, – наружу.
И платье шёлковой волной
Невидимую грань разрушит.

Но оступаюсь в тишину.
Но нежный звук – увы! – исполнен.
О, мальчик, тронувший струну,
Зачем, зачем ты так спокоен?

* * *

*Ирине — девочке, которая
умеет слушать*

Снова тонут черёмухи в белых проточных ветрах.
Снова летнее небо цветным капюшоном на плечи.
В тёплом утреннем мареве дремлет детёныш-кузнечик,
Опьянённый ленивым дурманом нетронутых трав.

Столько тихого счастья в дыханье распахнутых крон:
Ведь не скоро ещё тяжелеть, наливаясь плодами.
А пока – шелестеть, шелестеть на ветру куполами
И ловить лепестками пчелиный полуденный звон.

* * *

Белокипением яблонь охвачено русло бульвара.
Густо смешав ароматы, блаженствует май.
На длинноногой скамье балагурит гитара,
Ритмы нехитрой любви разливает за край.

А кружевная прохлада играет в траве, обнимая
Тёмные талии гордых, раскидистых лип.
Выкрик духов, чародейку-черёмуху перебивая,
К джинсовой диве, как фантик конфетный, прилип.

От геометрии клумбы пугливую руку отдёнешь:
Звук осторожный чуть слышно заводит оса.
А одуванчик, воздушно вспорхнувший найдёныш,
Каждой пушистой ресничкой целует глаза!

Время

С рожденья в нас подарок царственный.

А есть ли что его таинственной?

А есть ли что его лекарственной?

А есть ли что его убийственной?

* * *

Мотылёк кареглазый, в ладошке листва кружевная.
Ты – не мною рождённая дочка, родная, родная...

Подарю тебе чашку из самых диковинных чашек.
Там на облаке бслом – смотри – сладко спящий барашек.

И вплету тебе алые ленты в тугие косички,
Чтоб сажались на плечи непугано-юркие птички.

Но ни рыжий жираф, ни корабль из скорлупки ореха
Не разбудит во взгляде лучистые искорки смеха.

Папа снова напился, и водит вас с мамой по краю.
Как недетскую эту беду от тебя отвести? Я не знаю.

* * *

*Моим крестникам
Маше, Ване и Васе Скобликовым*

Летнее поле. Прозрачный покой и простор.
Васе найдём василёк синеглазый простой.

Ване – пушистый сиреневый клевер. А Маше –
Нежные солнышки густо цветущих ромашек.

Будем все вместе в тягучее небо смотреть,
Там проплывает на север большущий медведь.

Здесь – государство нестрашных жуков. И смотри-ка:
Тайно краснеет под спящим листом земляника.

Ваня, лизни, пока мама не видит, скорей
Стебель травы, по которой гулял муравей.

Видишь, как кисло! А лучше давайте кружиться:
Бабочка – облако – камушек – дерево – птица.

Или бежим до ручья, кто быстрее, на спор.
Родина детства. Прозрачный покой и простор.

* * *

Чудом осенённая душа –
Словом осиянная бумага.

Господи, а может, это благо –
Не иметь в руке карандаша?

* * *

Я баян обниму. Он, заждавшийся, на руки просится.
Встрепенётся, вздохнёт, как живые, меха развернёт.
Он застенчиво всхлипнет коротенькой разноголосицей
И протяжную русскую сам нараспев заведёт.

Он «Лучинушку» плачет – качает басы безысходные.
Он созвучья выводит. Пронзительно. Сладко. Навзрыд.
Словно жаркой слезою, он песней текучей народною
Пробирает насквозь. Берedit на душе. Берedit...

Он заходится песней. А мне всё отчётливей кажется,
Что, как исстари, сядем за стол, соберётся родня,
И потянется песня-слеза, и всем миром заладится,
Что не песня, а русская вечность течёт сквозь меня.

Содержание

Дом	7
«Дождь проснулся в облачной перине...»	8
«День ещё прохладой не тронут»	9
«Вот и лето на убыль. И робкая осень...»	10
«Отлюбило лето, отмечало»	11
«Бабье лето к исходу. Полынный...»	12
«И всё-таки февраль. Подстывшая дорога...»	13
«Повяжу неторопливо я...»	14
«Потеплеет к утру. Скрипнут старые ставни»	15
«Разворчалась сковородка, что не чистили с весны»	16
Рождение сына	17
Детство	18
Бабушкин дом	20
Зимний вечер	22
«Взгляд недетский наполовину...»	23
Портрет	24
«Заповедный приют — потаённый, неназванный остров...»	25
«Я слышала рождение зимы...»	26
«Разгоняется время — мгновенный осколок стогранный»	27
«Снова хлынула ночь в незащитность оконных проёмов...»	28
«Ну вот и всё. Ты больше не придёшь»	29
«Февральским головокружением...»	30
«Тротуар выгнул спину под ласкою детских шажков»	31
Переезд	32
Новый, 1999 год	33
«Неужели окончился он, наш роман без названия?»	34
«Я в гостях у судьбы. Чайный морок, приправленный мятой»	35
«Смотрит беспризорными глазами...»	36

Собака	37
«1. Немного горек вкус у одиночества...»	38
«2. Уже апрель на скатах крыш...»	39
«Ну и пусть. Напишу. Напишу, как, мучительно-гордая...»	40
«Ночь качала большими крылами незрячими».	41
«Подступало забытой молитвой, слезою к глазам...».	42
«Первовторжение весны. Проснулись щебеты и свисты»	43
«Даже странно — в губах это имя нести...»	44
«Да и было ль вообще оно, это мгновение...»	45
«Как мелочью расхожей, праздными...»	46
«Гулкая гама по клавишам лестницы вверх...»	47
«Мы не знали, что огненной меткой...»	48
«Непрочный мир стареет и качается...»	49
«Зачем неизъяснимый взгляд...».	50
«И очнулась природа — весенним наполнилась током»	51
«В город вкралась весна, сквозняками наполнила трубы...»	52
«А за стеклом мятежная весна»	53
Лето в апреле	54
«Сгоряча наговорил, сгоряча».	56
Начало	57
«Был затянувшийся апрель...».	58
«Снова тонут черёмухи в белых проточных ветрах»	59
«Белокипением яблонь охвачено русло бульвара...».	60
Время	61
«Мотылёк кареглазый, в ладошке листва кружевная...»	62
«Летнее поле. Прозрачный покой и простор»	63
«Чудом осенённая душа...»	64
«Я баян обниму. Он, заждавшийся, на руки просится»	65

16 руб. 00

цена

кол.

Литературно-художественное издание

Наталья Мурзина

Второжение весны

стихи

Приложение № 19 к журналу «Огни Кузбасса»

Редактор	С. Л. Донбай
Корректор	И. Б. Шатерник
Дизайн обложки	Л. В. Москалёва
Макет, вёрстка	С. А. Скобликов

Автор проекта **С. Л. Донбай**

Сдано в набор 12.07.2005. Подписано к печати 15.07.2005.
Формат 70 × 108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Петербург». Усл. печ. л. 3,0. Тираж 500 экз. Заказ № 450.

Отпечатано в типографии издательства «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7.
Тел. (384-2) 58-34-48
e-mail: 582934@rambler.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ
ОГНИ
КУЗБАССА
№ 19 2005